

Книги Сергея Джеваги
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«В ПОГОНЕ ЗА ПОТЕРЯННЫМ СОЛНЦЕМ»

**КОГДА ОЖИВАЮТ ТЕНИ
КОГДА ОЖИВАЮТ СТРАХИ**

ГЛАВА 1

Говорят, порой на смертном одре жизнь проносится перед глазами за считанные секунды. Дескать, незримые ангелы погибели успевают показать уходящему яркие моменты, заставляют заново прочувствовать. И где-то испытать сожаление и боль, а где-то радость, восторг, любовь.

Умиравший праведник сразу отправляется в рай, минуя чистилище, если на границе небытия существо наполняется счастьем. Ну а грешник обречен подышать с чувством ущербности и грусти от незавершенных дел, раздираемый тяжестью зла, что совершил ранее.

О первом рассказывают поэты и пьяницы в кабаках. О втором — проповедники на утренних службах. И вполне вероятно, что правы и те и другие. В нашем безумном мире возможно все, и не мне судить, что есть истина, а что ложь.

Как минимум так я думал ранее.

Здесь и сейчас, сидя на холодном полу недостроенного храма на одном из нижних уровней Тары, я начал подозревать, что врут все. Умиравшим плевать, ничего не чувствуют. Разве что боль и смутное облегчение оттого, что страдания уходят, пусть и вместе с теплом собственного тела, дыханием. И если вспыхивают какие-то картинки, то осмыслить их тухнувший разум уже не способен.

Нет, жизнь пролетает перед глазами у тех, кто находится рядом. Именно они обречены испытывать муки, что не успели чего-то сделать, сказать нечто важное близкому, — обречены испытывать отчаяние, сожаление и невыносимое бессилие.

Эта простая, но от того не менее поразительная и яркая мысль, казалось, прошла меня насквозь, как разряд электричества. Кровь мучительно громко ударила в ушах, а мир

разделился на отдельные фрагменты-осколки. Тонкий звон наполнил сущее, и возникло странное ощущение раздвоения.

Я по-прежнему сидел на коленях, чувствовал холод и сытость, впивающиеся в кожу мелкие камешки, дурноту от недостатка кислорода в рукотворной пещере, горячую кровь друга на руках. Но вместе с тем витал где-то под потолком и зрел все вокруг, будто со стороны, видел сам себя — стройного мужчину средних лет, одетого в куртку из прорезиненной ткани и такие же брюки, ботинки на толстой подошве. С бледно-кариими до желтизны глазами, в которых сейчас плескалась растерянность и злость, резкими чертами лица, непокорной светлой шевелюрой...

Багровые отблески проникали сквозь арку входа и резали тьму болезненными лучами. Блики и тени ложились на лицо мазками краски, делая черты почти незнакомыми, уродливыми и гротескными. Скользили и по грубо обработанным стенам в следах сколов и щербин, глубоких трещин, блестели на рукояти кортика, отвоеванного у Олсандера Мак-Кейна и его двоюродного брата Симаса.

Страшную тишину резали лишь удары крови в ушах да чудовищно громкий стук капель, вялое хлюпанье, что долетало сюда из основного грота, где посреди громадного пространства валялась гигантская груда мусора, а сквозь пролом в потолке струилось багровое сияние. И в данной тишине мое одиночество на пару с беспомощностью становились особенно явными, болезненными.

Это резко контрастировало с фантазией Фергюса, где мы вдвоем держим оборону от полчищ демонов, спустившись в ад, — герои без страха и упрека, простые и прямые как стальные пруты, но восхитительно прекрасные. Нет, я оказался один в целой Вселенной, подавляемый толщиной стен, тяжестью Барьера, что возвышался надо мной с множеством залов, гротов, тоннелей жилой Тары и не менее грандиозных строений заброшенного ныне и внушающего ужас Лимба. А дальше вновь камень, лед и морские пучины, что отделяли живых от смертельной опасности поверхности, заполоненной ордами Люцифера...

Я на дне. И в прямом смысле, и в переносном.

Эта мысль давила сильнее, чем камни. Разрывала разум ледяными когтями страха, подавляла и заставляла сжаться в

точку, бессмысленную и маленькую. И на краткий миг я даже сумел рвануться ввысь, узрел извилистые тоннели портового района, гигантские каверны промышленной зоны, пробежался по коридорам и гротам делового и жилого районов, мельком взглянул на верхний город и даже проник в Лимб. Увидел всю Тару и снаружи, и внутри — древний, ветхий кусок камня в Барьере, изрытый норами и изгаженный металлом, — столицу Олдуотера и один из первых городов, построенных под морскими волнами, когда люди и нелюди сбежали в океан от нашествия Тьмы.

Узрел я и воды вокруг города — темную холодную массу, испятнанную огоньками сигнальных бுவев, многочисленных батискафов и субмарин. И соларитовое светило, что ярко полыхало где-то в центре Барьера. Подтапливая предательский лед, по коему могли пробраться Вестники, позволяя культивировать рыбу и водоросли.

Я рванулся ввысь, но ударился о нечто твердое и стремительно рухнул обратно. Испытал злость, упрямо заставил себя встряхнуться, собрал по кусочкам почти впавший в леденящий ступор мозг. Пришло понимание, что эмоции не мои... Фергюса, который, теряя сознание, испытал отчаяние и одиночество. А проклятая эмпатия, побочный продукт дара гностика, поймала, как антенна радиоволны. Чувство настолько яркое, что я воспринял его как свое, чуть не рухнул в обморок рядом с другом. Но, по мере того как боролся, перед внутренним взором начали мелькать образы и картинки. Порой мутные и смазанные, потертые прошедшими годами, порой яркие и сочные.

Вот затянутая мглой комната с письменным столом и большим кожаным креслом, настольная лампа, полки с книгами, запах чернил и шуршание бумаги, какие-то карты и фотографии на стенах, мягкий золотистый свет. Все вокруг кажется чертовски большим... а может, я сам маленький. А впереди смутная фигура человека, склонившегося над записями, и я иду к нему, старательно переставляя ноги в неудобных тапочках.

Цепляюсь носком за край ковра и закономерно шлепаюсь на пол, плачу от обиды и разочарования. Но чувствую движение и поднимаю взгляд. Крепкие руки подхватывают, лицо овеивает теплый воздух. Вижу улыбающегося мужчину с таки-

ми же желтоватыми, как у меня, глазами, аккуратной бородой и глубокими морщинами, рассекающими лоб...

— Оорм, как ты тут оказался?..

— Он убежал, Лир... прости, не уследила. — Мягкий женский голос слышится из-за спины. — Любопытный, весь в тебя.

Мужчина смеется, шутливо отвечает. И в мозгу всплывают слова: мать, отец... Триса О'Даффи, и лорд Лир Мак-Моран... а это кабинет в родовом гроте.

Понимание заставляет ухватиться за образ, жадно всмотреться, но картинка уже тускнеет и теряет четкость. Разум падает в пустоту, откуда прилетает уже следующий фантом: разношерстная толпа в одном из причальных отсеков порта, громадные люки шлюзов, куда по сходням тянутся вереницы пассажиров. Огни и вывески, пар и лязг металла, крики грузчиков и торговцев, суета, яркие тряпки, тяжелые запахи и толкотня.

— Ваш билет, молодой мистер?

Толстый краснощекий клерк с пушистыми усами, пропахший солью и потом, в форменной куртке со знаками различия порта делает вопрошающий жест. Но я не тороплюсь, раздраемый волнением, страхом, противоречиями. Судорожно тискаю в пальцах кусок мятого картона, ощущаю тяжесть чемодана в другой руке и скриплю зубами.

Оглядываться нельзя, но я все равно оборачиваюсь и вижу мать — заплаканную, взволнованную и такую же отчаявшуюся. Но за спиной у нее стоит дядя — высокий худощавый мужчина с неприятным лицом и глазами, смахивающими на куски грязного льда. Он без умолку бухтит:

— Триса, ты поступаешь правильно, мальчику нужно хорошее образование. Академия флота — лучшее, что можно придумать для будущего лорда. Не волнуйся, все будет хорошо. И с ним, и с тобой... Я позабочусь в память о Лире.

На губах Нолана мелькает кривая ухмылка, но в тот момент я не обращаю внимания на подобное. Глаза щиплет, а из груди рвутся рыдания, но мучительно подавляю позорный порыв. Просто ставлю багаж на сходни, обнимаю мать, а затем возвращаюсь и решительно протягиваю билет клерку.

— Добро пожаловать на борт, молодой мистер, — добродушно говорит усач. — Кубрики для курсантов на третьей палубе.

Тускнеет и сей образ. Но уже под конец я вспоминаю переломный момент в жизни. Когда пропал отец, мать реши-

лась отдать наследника, то есть меня, в академию... но туда я так и не попал, ибо вскоре у меня выявили дар, отправили в отдаленное отделение семинарии. Однако и там не задержался, чудом выжив во время атаки фоморов. А в мое отсутствие дядя умудрился разорить дом, выкупил корабли и предприятия за бесценок, мать вышла замуж за другого, мысленно похоронив и сына, и мужа. И лишь грот семейства по нелепой традиции Олдуотера оставался ждать наследника... возвращения старого или прихода нового.

Мысли вызвали новый поток картинок, но взгляд зацепился за одну: темный тоннель, озаренный всполохами тревожной сигнализации, дым и выстрелы, чадное пламя и пронзительные вопли. Я кашляю, судорожно нащупываю запасной фильтр для маски в спаскомплекте и крадусь. Но впереди баррикада, где монахи и храмовые стражи держат оборону, свистят пули и, чтобы пробраться к капсулам, нужно как-то преодолеть опасное место...

Голова болит от браслетов из селенита, мысли суматошно мечутся, а сердце леденеет от страха. Но в какой-то момент пальба стихает и я решаюсь, делаю длинный прыжок — и оказываюсь прямо посреди коридора. Подгибаю ноги для следующего скачка, но замираю, пораженный развернувшимся предо мной побоищем.

Тела в рясах повсюду. На бочках, ящиках и мешках с песком, из коих собрали импровизированное ограждение. На полу вокруг и в соседних проходах. Люди с искаженными лицами, мертвыми глазами, страшными рваными ранами. Вокруг клубы дыма и пара, искры, гарь... и даже фильтры маски не справляются с таким количеством сажи, — глаза выедают, слезы текут ручьем. Вокруг вялое шевеление, кто-то стонет, кто-то кого-то зовет.

На глаза попался совсем еще молоденький монашек, мой ровесник. Сидит у стены и тискает затвор винтовки, второй рукой пытается засунуть расплзающиеся кишки в огромную, припаленную по краям рану на животе. Тихо скулит, плачет и явно ничего не соображает. Рядом вяло возится бородатый мужчина с оторванной рукой, пытается дотянуться до пистолета. Еще чуть дальше вповалку трое — с виду невредимые, но почему-то дергаются, будто от удара электрическим током.

По затылку бегут крупные мурашки, а селенит браслетов становится как лед. И я уже понимаю что к чему, невольно

печусь в сторону прохода. Дым чуть редеет, и становится видно, что перед баррикадой стоит странное долговязое существо, лишь отдаленно напоминающее человека. Кожа плотная и мокрая, словно в слизи, серого оттенка. Одежды почти нет, лишь набедренная повязка. Грудь впалая, а руки и ноги тонкие, как пруты, пальцы одной кисти вооружены длинными загнутыми когтями, а вторая от локтя переходит в устройство (оружие, наверное?), представляющее собой массивную железяку с множеством стволов, острых ржавых штык-ножей и шипов, трубок и проводов. Провода и шланги вьются по телу твари как змеи, иногда заходят прямо в подгнившую плоть, скрывающую иные устройства.

И хотя я еще не научился ощущать Изнанку, но я чувствую опасность, холод. Ужас внушает и морда твари. Рот широкий, от уха до уха, заполненный имплантированными стальными зубами-иглами, нос — две вертикальных щели. Один глаз налит кровью и воспален, а вместо второго гротескная надстройка из стальных пластин, линз, окуляров, горящих угрожающим алым светом.

Монстр на миг замирает, будто прислушиваясь к чему-то. А затем резко ударяет вниз конечностью-протезом. Нанизывает на лезвия раненого монаха, без видимых усилий поднимает в воздух. Рассматривает, будто рыбак добычу, а затем, не обращая внимания на дикие крики жертвы, легко отрывает ему руку и сует себе в пасть, задумчиво жует.

— Беги... — шепчет кто-то.

И я бегу. Точнее, ноги сами несут прочь от встреченного ужаса. Коридоры и тоннели мелькают перед глазами, и я слышу чей-то крик, но лишь спустя какое-то время доходит — собственный. А где-то позади слышатся другие — наполненные страхом, болью, лютой ненавистью.

В себя прихожу только у люка капсулы. Дрожащими руками срываю пломбы, с трудом откручиваю вентиль запора и поднимаю первую тяжелую створку. Затем торопливо делаю то же самое со второй, каждую секунду вздрагивая и ожидая резкой боли от протыкающего плоть ржавого лезвия. Но ничего такого не происходит, и я запрыгиваю в тесный холодный гроб, запираю двери и жму на кнопку пуска.

Секунда, вторая... а затем шипение снаружи и мощный удар о переборку — мир тонет в черноте. Но в последней яр-

кой вспышке сознания понимаю, кого узрел, — одного из нападавших, фомора.

Образ тускнеет неохотно, оставляя за собой послевкусие пережитого страха. И словно в полубреду вспоминаются часы, проведенные в ледяной капсуле, плеск воды, скрип металла, пробирающий до костей холод. А затем удар, лязг отпираемого люка и хмурое лицо седого старика, заглянувшего внутрь стальной бочки, с револьвером наперевес.

Я слышал голос, чувствовал, что куда-то волокут, но пришел в себя лишь на узкой корабельной койке под тусклым светом умирающей лампочки. Непонимающе заморгал, попытался дернуться, но упал обратно под весом сухой старческой ладони.

— Как тебя зовут, парень? — спросил дед, которого я позже узнаю как Ульяма Дампира, бывшего пирата, талантливо-го гностика и изобретателя, умелого искателя древностей.

— Орм... Ормонд, — ответил я.

Имя, всплывшее в мозгу, разрушило видение. И вместе с тем вызвало череду более ярких картин, позволило осознать себя.

Да... я — Ормонд Лир Мак-Моран, наследник Старшего дома, новоявленный лорд. И вместе с тем искатель, ученик Дампира, историк в Дортмундском университете, скрывающийся под именем Эбер Уилсон, проклятый богом и всеми святыми скованный гностик.

Вспомнил я и о мерзких Тенях, что своим шепотом вынудили вернуться в Тару. Об их чудовищной хозяйке — непонятном существе, что пугало меня до икоты и являлось и в снах, и в реальности. И о том, как долгое время искал ответ, что и почему со мной происходит. Пришел к выводу, что нахожусь под воздействием родового дара, доставшегося мне от предков подобно отдельным представителям Старших домов. Не забыл и о том, как решился последовать зову неизвестной сущности, вернулся домой в надежде, что после принятия титула неведомое зло поутихнет.

Перед внутренним взором возникла еще одна картина: как сидел в кабинете нотариуса, на заседании по делу о подтверждении смерти отца. Как оттяпал титул лорда у дяди Нолана, когда тот уже приготовился праздновать победу. И как неволью вляпался в грандиозное дерьмо, ведь вместе с ме-

дальном главы дома и заброшенным фамильным гротом я получил в наследство громадные, просто неподъемные долги.

И все ради того, чтобы проклятый шепот пустоты в голове наконец исчез. Чтобы Тени отстали и я смог вернуться к нормальной жизни.

Но несколько дней назад я даже не предполагал, что сие лишь начало вереницы событий и череды проблем, посыпавшихся на голову с завидной частотой и регулярностью. Ведь едва вышел от нотариуса, тут же ощутил слежку. И, спрятавшись в одном из многочисленных технических ходов, столкнулся с Мстителем в маске, загадочным ночным героем столицы, который, как водится, крадет у богатых, а раздает бедным. Но едва сумев обмануть сего странного типа, чуть не попался в лапы странного невидимки, что пользовался высокоуровневым артефактом. Но я затаился и переждал, ушел, обуреваемый смутными предчувствиями и догадками.

Что потом? Потом я отправился на встречу с друзьями. С Фергюсом Мак-Гратом, сыном гранд-лорда и по совместительству бестолковым поэтом, известным больше грандиозным распутством, чем виршами. А также с Коулом Пронрой, лысым прохвостом, моим агентом в мире черного рынка.

Первый помогал с возвращением и легализацией в Таре. Второй же всегда стоял на страже коммерческих интересов. Сбывал то, что удавалось добыть в походах: книги, артефакты... да и вообще любые мелочи, оставшиеся от старых времен. От эпох, когда на смену Анклаву теургов еще не пришла Лига гностиков, а древние технологии правили миром, когда Церковь еще не объявила обладателей дара пособниками Люцифера, а люди и жители Туата де Дананн и Фир Болг лишь спустились в пучины океанов, спасаясь от апокалипсиса и демонов.

Приятели собирались отпраздновать мое возвращение и новый статус. Но, увидев мрачную мину, с коей я вошел в портовый паб, всполошились. Пришлось рассказывать о долге банку и выслушивать реплики о том, что друг свихнулся. Но стоит отдать должное, и Фергюс, и Коул прониклись, принялись придумывать способы помочь. Пронрыра припомнил, что среди агентов разлетелась весть о некоем заказе на кругленькую сумму. Здесь, в Таре. Причем достать предстояло сущий пустяк — летопись Исхода, сборник рассказов и легенд о том, как представители земной цивилизации бежали

от Вестников дьявола, строили подводные города и обживались на дне океанов. Правда, с оговорками.

Во-первых, заказчик пожелал остаться инкогнито, что навело на неприятные мысли о подставе. Во-вторых, жаждал получить оригинал, а не копии, кои и так валялись в библиотеках повсеместно. И из последнего вытекали очередные проблемы и заковыки. Так как подлинник находился не где-нибудь, а в Лимбе, потерянных и проклятых районах Тары, куда много лет назад прорвалась Тьма. И которые удалось отсечь лишь ценой невероятных усилий строителей и гвардов, ценой множества жизней.

В тот момент я сделал вывод, что такой заказ сродни самоубийству. Ведь исключительно полнейший безумец мог ползти в логово Тьмы. Но награда манила, ибо позволила бы погасить часть долга. И потому наутро после пьянки я отправился не в фамильный грот, куда вскоре должен был прибыть Старик с нашими пожитками, а решил навестить университетскую библиотеку в поисках хоть каких-нибудь связей и намеков.

К собственному изумлению, зацепки я отыскал в виде записей дневника некоего монаха Аерина, повествовавшего о Прорыве Тьмы в Таре. И о том, как остатки Анклава теургов вступили в бой с Вестниками наравне с церковниками и гвардами. Клирик упомянул о некоем ключе, которым адепты древних знаний заперли свою обитель, описал его...

Любопытно, но не более того. Я пожал плечами и на всякий случай решил взглянуть на планы Лимба. И даже послал за ними парня-служку. Но тот отреагировал как-то странно, чем вызвал подозрения. Направившись вслед за ним, я обнаружил, что меня опередили: альбом со схемами уже методично обдирал Мститель в маске.

Странно? Да. Что могло понадобиться якобы народному герою? Позарился на награду? Выполнил чей-то заказ?

Как бы то ни было, но я попытался перехватить вора. Вот только безуспешно, тот вывернулся и скрылся. Мне же пришлось приводить в чувство служку, коего успел оглушить Мститель, и топтать с ним к стойке регистрации библиотеки для разбирательств и объяснений.

Но я и подумать не мог, что там поджидает второй сюрприз, еще более неприятный, чем первый. Оказалось, что на хранилище знаний сделал налет отряд наемников во главе с

моим старым знакомым, первым учеником Ульяма Дампира Лиамом Кэмпбеллом, что годы назад предал доверие опекуна и ушел в свободное плавание, спутался с сомнительными людьми из мира преступности. И надо ж такому случиться, что мы столкнулись нос к носу. Далее выяснилось, что он тоже пришел за картами Лимба.

Дело начинало попахивать кровью. И ее хватало, ведь подчиненные Лиама убили и работников библиотеки, и студентов, что на свою беду решили посетить читальные залы. Только чудом... а если уж по правде, то благодаря Теням мне удалось выжить в короткой схватке, обмануть и запутать бойцов, уйти по техническим тоннелям.

Что происходит, я не понимал и мог лишь строить догадки, на кого работает приятель юности. Но на тот момент устал настолько, что решил добраться до фамильного грота, прийти в себя и потом искать ответы.

Но практически на пороге меня ожидал очередной неприятный сюрприз в лице людей дядюшки, кои пришли «внушить уважение и трепет, а также помочь принять правильное решение». Исключительно благодаря приятелю детства Брану, что проходил мимо в тот момент, мне удалось выйти из схватки помятым, но целым.

Той же ночью ко мне явилась хозяйка Теней и попыталась навязать некий дар и договор, но я сумел схитрить и внес свои поправки. Проснулся измученным, не понимая до конца, привиделось ли мне это или стряслось наяву. Но пока пил грог и разговаривал со Стариком, на глаза попалась газетная статья, где рассказывалось о новом епископе Тары. О том, что по случаю вступления в должность объявляется торжественный прием. И все бы ничего, но на фото на груди Абрахама Мак-Молоуни я заметил медальон. Медальон, до боли напоминающий описание ключа от обители теургов в Лимбе...

Долго я не думал.

Движимый азартом на пару с любопытством, решил проверить зацепку. Причем даже не собирался грабить епископа, а придумал способ скопировать теургическую вязь, впаянную в предмет. С помощью Фергюса сумел достать приглашение и в компании Брана, внезапно пожелавшего меня сопровождать, отправился на торжество. Уже там повстречал подругу детства Талли Мак-Суини, которую позвали спеть и показать искусство барда. А как только начался концерт и народ впал в

гипнотический транс, я покинул приятеля и пробрался к келье Абрахама.

Но в комнате епископа все пошло не по плану. Вновь явилась хозяйка Теней, и мне пришлось отбиваться от ее бесплотных тварей. А дальше произошло нечто странное: я сумел прикоснуться... поймал одну из сущностей, что меня изводили, в отчаянии швырнул ее на письменный стол клирика. Искажения пространства разворотили мебель, произошел беззвучный взрыв в Изнанке. Монстры скрылись, а я остался один на один с бардаком.

Тем не менее не растерялся. Снял копию с ключа и заключил уже в свой артефакт, а затем ретировался, прежде чем действие отмычки закончилось и дверь захлопнулась. Кинулся прочь, но запутался в переходах, испугался встречи с охраной и попал на один из складов, где меня благополучно оглушили какие-то громилы.

Очнувшись, я сообразил, что впутался в очередную неприятную историю. Оказалось, что на грот Мак-Молоуни совершили налет террористы из набирающего силу движения пролетариев-революционеров. И сюда зашли, чтобы выкрасть несколько детишек лордов с целью последующего шантажа. Зашли тихо, по канализационным коллекторам, сотворили то, что планировали. Но, хуже всего, напоследок они решили пошуметь и сделать красивый жест. Для отвлечения внимания. Ну и, конечно, дабы заявить о себе, возможно, ранить новоявленного епископа, а лучше — убить.

Ради последней цели террористы невесть в какой клоаке откопали гностика-отщепенца со специализацией кукловода. И пока я приходил в себя, мерзкий урод успел сотворить из плененной служанки управляемую марионетку. Не чувствующую боли, обладающую повышенной выносливостью и физической силой.

Следующий шаг — устранение свидетелей. Но между пламенными революционерами возникла перепалка, чем я и воспользовался. Сумел сбежать и кинулся вдогонку за гностиком и его жертвой, подстегиваемый злостью и опасениями за судьбу друзей.

След вывел в главный зал. Но пока я метался в поисках кукловода, умудрился задеть одну из девушек. У той появились защитники в виде компании нагловатых парней во главе с Олсандером Мак-Кейном, сыном главного флотоводца Ол-

дуотера. И только вмешательство Фергюса спасло меня от немедленной расправы. Правда, поэту пришлось картинно и нахально назначить дуэль... Впрочем, в тот момент я мало думал о последствиях выходки друга. И о мотивах.

Едва избавившись от назойливого внимания молодчиков, вновь рванулся на поиски. Но, естественно, опоздал. Кукла успела напасть, ранила гостей, убила охранников. В каком-то отчаянном порыве я кинулся ей наперерез и вложил все доступные мне силы в один удар, в один укол, сделав из сырой энергии Изнанки некое подобие иглы. Но когда стало ясно, что не справляюсь, произошло нечто странное: темные искры рассыпались по ладони и разорвали пути кукловода. Но финальная оплеуха служанки-марионетки вышибла из меня дух. Лишь в последнем проблеске сознания я успел увидеть, как освободившаяся женщина настигла своего мучителя и оторвала тому голову...

Пришел в себя я в неизвестной комнате. Или даже камере. И пока мучился догадками, из Теней вновь пришла их хозяйка. Но быстро сбежала, когда за мной пришли. И не кто иной, как сам инквизитор, некий мастер Ардал.

Состоялся весьма неприятный разговор, клирик попытался выяснить, что я делал на банкете. Как бы мимоходом намекнул, что знает о моей личности больше, чем остальные, прощупал артефактом-полиграфом. И в конце задал, казалось бы, невинный вопрос о моей субмарине, что незадолго до того я при участии Коула сдал в аренду. Но, получив ответ и поняв, что я не лгу и действительно ничего не знаю о злоключениях своего корабля, инквизитор поспешно удалился. И лишь Абрахам Мак-Молоуни, зашедший под конец допроса, пояснил: лодка затонула. А перед крушением, очевидно, была заражена Тьмой. На том общение с церковниками закончилось и меня отпустили.

Но я, безусловно, жаждал прояснить ситуацию и, мягко говоря, сгорал от любопытства. Вернувшись домой, проверил документы на аренду и пришел к выводу, что Коул Проныра меня явно надул. И более того — намеренно предал доверие.

Сказать, что я разозлился, не сказать ровным счетом ничего. Я впал в бешенство. И недолго думая отправился выяснять отношения напрямик в офис приятеля, расположенный в деловом районе Тары, в одном из старых домов-колонн, что возвышались от дна до потолка гигантского грота. Но уже там

я обнаружил, что в кабинете Коула копаются кто-то иной, и затаился. Когда неизвестный скрылся, я зашел в офис, изучил картину полнейшего разгрома. Естественно, Проныры тут не оказалось. Но судя по следам борьбы и крови на полу, его захватили и куда-то уволокли.

Злость поутихла. Я нырнул вслед за бандитом, снедаемый смутным чувством, что уже где-то его видел. И когда преступник направился напрямиком к районам знати, часть головоломки сложилась.

Решить, последовать ли за бандитом или отправиться домой, не успел. Накатило знакомое чувство слезки, я ощутил чье-то пристальное внимание. Но никак не мог смекнуть, где же скрывается невидимка, а чувства теурга никак не помогали.

И уже по наитию я потянулся к Теням. Провалился не в Изнанку, а в какое-то совершенно незнакомое пространство, смахивающее на негатив обычного мира. И тут сумел заметить смутную фигуру незнакомца, наблюдавшего за мной с вершины скульптурной композиции в виде нескольких монахов, напротив ворот в верхний город.

Незнакомец явно ощутил, что обнаружен, и скрылся. А я начал терять сознание, тонуть в Тенях и замерзать. Так бы, наверное, и умер, но совершенно неожиданно меня вытащил в реальный мир Мерти — бродяга-туату, старый пьяница и лжепророк, шатающийся то тут, то там по Олдуотеру. Именно с ним я столкнулся еще утром, после пьянки с Фергюсом и Пронырой, и выслушал странные советы и напутствия, к слову, исполнившиеся.

Ярость безумца поразила. Он ругался и кричал, говорил нечто о Тенях, о древних врагах. А затем плюнул и отправился допивать ром в ближайший паб. А я, сообразив, что от него, возможно, удастся добыть какие-то ответы о До, хозяйке Теней, кинулся следом. Но сумел выудить лишь смутные намеки, прежде чем старик-туату обезумел от выпитого и начал нести очередную околесицу.

Расстроенный, я направился в фамильный грот. Но уже на площадке верхнего города командир гвардов-часовых передал записку от Фергюса. Приятель сообщал, что решил перенести дуэль на ближайшее время, и просил побыть секундантом. Указал и место — некий заброшенный грот чуть в стороне от портового.

Поколебавшись, я все же посчитал, что следует броситься на помощь Мак-Грату. Ведь где находится Коул, уже понял. Осознал и то, что жизни Проныры на данный момент если что-то и угрожает, то не в ближайшей перспективе.

Выбор сделан. И я оказался в заброшенном и недостроенном храме, части громадной пещеры на самом дне Тары. Встретился с Фергюсом и стал свидетелем дальнейшей ссоры с Олсандером. Выяснил, что вражда между этими двумя более застарелая, чем мог подумать. Друг неосторожно влюбился в сестру Мак-Кейна, но, когда ту обнаружили израненную, буквально на пороге смерти, оба начали обвинять друг друга в случившемся и схлестнулись впервые. После того сына флотоводца выслали из столицы подальше от глаз гранда, но недавно тот вернулся, и Мак-Грат воспользовался ссорой Олсандера со мной, чтобы добиться реванша.

Правда, не получилось ничего у друга. После короткой, но яркой схватки он был сражен и покалечен, буквально умирал. А я остался рядом с ним, оглушенный чужими страданиями и болью, тоской и отчаянием. От секундной растерянности потерял контроль над даром эмпатии и чуть не лишился разума.

Образы и картинки продолжали мелькать в мозгу. Мучительное раздвоение исчезло, я полностью осознал себя, где и когда нахожусь. И сообразил, что от ухода Симаса с Олсандером прошло не более минуты. Но почти вся жизнь действительно успела пролететь перед глазами.

Поднял руку и посмотрел на дрожащие, как у глубокого старика, пальцы, разлепил онемевшие губы и исторг хриплое проклятие.

Осторожней надо быть, Ормонд... осторожней! Так недолго и в обморок шлепнуться.

За годы успел сродниться с гнозисом, научился управлять Изнанкой — мистическим измерением, некоей гранью нашего мира, при воздействии на которое проявлялись изменения в реальности. При помощи воли и разума, старинных методик и тех же татуировок из селенита. Последние призваны блокировать дар и делать гностиков незримыми для Тьмы, попутно же они сковывают, то есть ограничивают способности, на радость Церкви. Однако изобретенный Стариком ложный селенит позволял незаметно манипулировать толикой дара, не вызывая подозрений.

Да и с побочным эффектом в виде эмпатии я справлялся, умел ставить в сознании фильтры и блоки. Да и как иначе-то? Мало радости в том, чтобы нагадить в штаны, когда рядом с тобой испугался ребенок. Ну или хохотать как безумец, поймав волну шального веселья от компании подвыпивших подростков. А еще хуже чувствовать, как кто-то умирает, — можно либо сойти с ума, либо у тебя самого остановится сердце.

Но я справлялся, да. Как правило, умело управлял эмпатией. Чтобы читать людей, искать или прятаться от них. Закрывался, когда следовало сражаться и убивать. И лишь изредка терял контроль... вот как сейчас.

Тихий стон отвлек от созерцания руки, и я посмотрел вниз, на Фергюса. Сын правителя мало походил на того великолепного красавца, что рассыпал шутки в портовом пабе и блистал на приеме. Всегда выглядел как герой из сказок — гордый профиль, длинные темные волосы, частенько стянутые в небрежный хвост, пронзительные ярко-синие глаза с искорками смеха в зрачках. Подтянутый, со вкусом одетый, широкоплечий и статный...

Но теперь у ног лежал избитый и умирающий парень. Волосы спутаны, лицо окровавлено, одна глазница залита кровью. Кожа серая, как у мертвеца, на лбу крупные капли пота, а дыхание слабое и сиплое.

Грохот в ушах затих, по затылку будто кто-то большой и злой хлопнул ладонью.

Какого демона сидишь? Надо действовать!

Очнувшись, я торопливо прощупал пульс на шее друга, осмотрел повязки из тряпок, сделанные ранее. Импровизированные бинты быстро намокали, сердцебиение и дыхание слабело каждую секунду. Если попробую тащить, точно умрет от потери крови, удушья и болевого шока. И сбежать за помощью не получится, времени нет.

Но что вообще могу сделать без снятия оков, имея лишь то, что есть?

Кое-что. С сырой энергией работать могу, хоть и опутан татуировками, недавние манипуляции с батареей тому доказательство.

Поразмыслив, я пошарил в потайном кармане и отыскал перстень с шоковой печатью. Мысленно призвал Изнанку, осмотрел призрачный узор и легким воздействием подправил: позволил энергии из прибора истекать свободно в про-

странство. Собрал в горсть облачка невидимого пара, с помощью воли заставил сгуститься и набросал на груди Фергюса рисунок, напоминающий неправильный круг, пересеченный несколькими эллипсами, наспех добавил пару примитивных символов. А когда схема уравнилась, активировал и проследил, как эскиз медленно тонет в груди поэта. Затем вернул шоковую печать в исходное состояние и проверил запасы — потратил примерно половину.

Внешне ничего не изменилось, хотя, по идее, кровь в ранах друга должна стремительно сворачиваться, а боль уменьшиться. Вновь проверив пульс, я грязно выругался. Биение под пальцами почти не прощупывалось, дышать перестал. Кажется, остановилось сердце.

— Нельзя сдаваться! — прошипел я.

Отстегнув сумку собственного спаскомплекта, вытащил баллончик с кислородом и складную резиновую маску. Нацепил на лицо умирающего, затянул завязки и открыл вентиль.

Запаса обычно хватает минут на пять — достаточно, чтобы дать шанс выбраться из задымленного помещения или добежать до пункта первой помощи с универсальными масками и скафами, пробить под водой какое-то время... Фергюсу хватит и подавно. В случае чего есть запасной из его комплекта.

Торопливо призвав Изнанку, я опять всмотрелся в шоковую печать перстня. Подправил в одном месте, слегка изменил свойства. И сообразил, что энергия начала стремительно рассеиваться. Прижал печатку к груди друга, активировал.

Ровно секунду ничего не происходило, а затем его тело выгнуло дугой. Мгновенно напрягшиеся мышцы натянулись как жгуты. Фергюс вновь безвольно упал на пол, но, когда я поднес пальцы к шее, вновь ощутил слабое биение. На щеках появился легкий румянец, веки затрепетали, а кровь перестала стекать по повязкам.

Слава новым и старым богам! Вроде бы получилось.

Смахнув испарину со лба, я шумно выдохнул и отбросил бесполезный теперь перстень. Подобрал кортик и встал, намереваясь отправиться на свалку в поисках пары железных прутьев, тряпок и ремней, чтобы соорудить волокушу. Но едва оказался на пороге храма, замер и прислушался к ощущениям.

Оба Мак-Кейна ушли, и звуки шагов, голоса давно растворились в обволакивающем безмолвии грота. Я слышал, как осыпается мелкий сор, капает и журчит вода, пищат кры-

сы. Но из-за того более жутким казалось то внимание, коим сочилась темнота пещеры. Настороженностью и холодной жестокостью, готовностью убивать.

Странно... Отвлекся я вроде бы ненадолго, а количество неизвестных чуть ли не удвоилось. А те, что пришли первыми, здорово приблизились. Я чувствовал направленные на себя чужие взгляды из-за ближайших завалов, с галерей и лестниц, из-за колонн и строительных лесов.

Глубоко вдохнув, я полностью раскрывлся ощущениям, напряг и расслабил мышцы.

Кажется, зря надеялся, что просто следят. Такое нельзя игнорировать.

Переговоры в планы неизвестных тоже, видимо, не входили. Потому что спустя мгновение из тени сбоку кинулся первый. Я лишь уловил чужое намерение, а затем увидел смутное движение, услышал выдох и топот. Шагнул вправо, чуть присел и выбросил руку с клинком.

Тяжелая туша чуть не сломала мне кости. Мышцы и суставы застонали от боли, ребра, не зажившие после боя с кукловодом, жалобно хрустнули, а из глаз брызнули искры и слезы. Но когда цветные круги перестали плясать перед взором, я увидел неизвестного. Высокий крепкий мужчина средних лет, коротко стриженный, с залысинами и трехдневной щетиной на мясистых щеках, со шрамами и сломанным когда-то носом. Одет как портовый работяга, в комбинезон-робу и потертую куртку, но слишком упитанный и мускулистый, слишком здоровый, слишком чистый для настоящего трудяги.

Он хрипел, навалившись всем весом, в глазах плескался целый океан предсмертного испуга и изумления. Из раны на шее струей била горячая кровь. Стекала по кортику, по моим запястьям, жгла как кислота.

Эмпатия не заменяет другие органы чувств, но при должном сосредоточении и навыке выводит восприятие мира на совершенно иной уровень. Тогда глаза становятся не нужны, и видишь почти в полной темноте. Тогда заранее можно рассчитать чужие намерения и телодвижения, действовать на опережение. Умело скрываться. Или драться так, что враги трижды пожалеют о совершенном нападении.

Другое дело, что эмпатия не панацея, да и добиться подобного состояния можно лишь после долгих тренировок.

Полагаться на нее полностью также глупо, есть и побочные эффекты. Но здесь и сейчас я использовал все доступные способности.

Напавший выронил короткий кинжал, покачнулся и начал заваливаться навзничь. Я хотел отпустить его тело и позволить упасть. Но тут где-то сбоку и в некотором отдалении особенно ярко полыхнуло чужим яростным предвкушением и азартом. Рефлексы заставили схватить умирающего детину крепче и заслониться им как щитом.

То, что ошибся, я уразумел спустя мгновение, когда вместо выстрела раздалось холодящее кровь «умпс-с-с-с» и красноватый сумрак пещеры разорвала блеклая голубоватая вспышка. Волосы встали дыбом, по одежде сыпанули яркие злые искры, а правое предплечье ожгло и пронзило резкой болью. Я охнул, выронил тело умирающего врага и отшатнулся, ослепленный и оглушенный. Но когда зрение вернулось, увидел его обожженный труп — жирно чадающий, наполовину обугленный, лишенный руки по локоть.

Кровь не текла. Запеклась, превратилась в поджаренную корку. Одежда на спине испарилась, обнажив покрытую волдырями и язвами влажно блестящую рану, подгоревшие кости ребер и позвоночника. Половину головы срезало, волосы тлели, едкий дым выедал глаза наравне с отвратительным запахом паленой плоти.

Стрелок промахнулся лишь ненамного, запутавшись в игре теней. Чуть бы поточнее, и прожег нас обоих насквозь. Искромет не винтовка в привычном понимании, так как тянет силу из Изнанки, аккумулирует в конденсаторах и самих патронах. Плотный сгусток заряженных дробин в полете превращается в струю наэлектризованной плазмы, способен плавить сталь и крошить скалу.

Адское оружие, настоящее произведение искусства на стыке классической физики и гнозиса, гордость отдела вооружений Лиги. Я лишь видел рисунки в рекламных брошюрках, читал описание. Но от сухих фраз и цифр технических характеристик зябко передергивал плечами. И от цены... одна единица такого оружия стоила как половина субмарины и предназначалась для обороны от фоморов тоннелей и особо важных военных объектов, так как могла прожигать целые просеки в рядах атакующих.

Кому ж мы так не угодили, если налетчиков оснастили по последнему слову техники? Кому вообще такое по карману, кроме Церкви и армии Олдуотера?

Есть у искромета и один существенный недостаток. А именно: цикл перезарядки, составляющий около минуты. И потому, едва очнувшись и отшатнувшись от трупа, я ощутил чужое разочарование и злость. Принялся считать: девять... десять... Быстро сбив чадное пламя с рукава, я сжал и разжал кулак. Нормально. Повезло. Ожоги слабенькие, первый враг прикрыл от основного удара. Двенадцать, тринадцать...

И вновь движение в темноте, черная ненависть, скрип то ли камешков, то ли зубов. И вот из сумрака появляются один за другим сначала трое с одной стороны. Затем пятеро с другой, разом отсекая меня от грота и галерей, прижимая к входу в храм, где в молельном зале лежит в беспомощности Фергюс. Одеты как рабочие и моряки: в комбинезоны и робы, в прорезиненные плащи. Но опять же слишком мускулистые и крепкие, слишком сытые для замороженных тяжким трудом и алкоголем матросов и грузчиков. И лица... жесткие, характерные для наемников, лишь зачем-то рядящихся в чужие шкуры.

То, как они двигались, как смотрели, говорило о многом. Но прежде о том, что надежда выйти мне сухим из воды ничтожна. Они ничего не спросили и не потребовали, что красноречиво намекало как на их намерения, так и на профессионализм. Умело и слаженно перекрыли пути отхода, взяли в полукольцо.

Семнадцать, восемнадцать...

Напали сразу двое. И пока один — высокий нескладный тип с уродливым бугристым и лысым черепом, замахивался длинным кинжалом, второй — плотный щекастый крепыш, кинулся мне в ноги, надеясь сбить на пол. Но я предугадал их намерения, все просчитал и за секунду до того, как толстяк рванул вперед, сделал шаг и ударил коленом. Услышал задущенный вой — добавил рукоятью по затылку. Еще шагок, присел, пропуская над головой клинок, затем, напрягая мускулы, выпрыгнул и полоснул нападавшего по запястью, а следом — добавил кулаком в оскаленную пасть. Хотел воткнуть кинжал в горло, но вновь ощутил опасность, и в длинном перекате ушел влево.

За плечом хлопнуло, сумрак развеяла огненная вспышка, пуля с визгом отскочила от стены храма. Второй хлопок — и снова промах.

Ай, как неприятно — еще и револьверы.

ГЛАВА 2

Мысль мелькнула и потухла. А перед лицом сверкнула сталь, и я едва парировал чей-то выпад, пнул ногой почти наобум и снова разорвал дистанцию. Вязнуть нельзя, иначе наспигут сталью и свинцом. Надо двигаться... надо!

Тридцать девять... сорок...

В глазах начало двоиться, а мир поплыл. Пот и кровь превратились в липкую отвратительную массу, стекали по лицу и рукам, пальцы скользили по рукояти кортика. Горячий влажный воздух обжигал легкие, глотку. И как Фергюс держался столь долго? Как Олсандер умудрился не взмокнуть?..

Вновь отбив выпад, я отступил назад. Поймал чью-то руку в захват и почти с наслаждением сломал, вслушиваясь в оханье и ругань. Но добить неприятеля опять не успел, уклонился от очередного удара, пнул нападающего справа, парировал клинок слева, ударил локтем, кулаком, лбом. Почувствовал, что меня окружают и вот-вот банально задавят, отчаянно выругался.

Пятьдесят восемь... пятьдесят девять...

Видимо, враги тоже считали. Но, скорее, имелся собственный способ связи. Судя по колебаниям Изнанки, какой-то групповой артефакт. Потому что я почувствовал рябь на той стороне, а затем эмоциональный фон изменился. Все сосредоточились, ближайшие напряглись и сделали пару шагов назад — освобождали пространство для залпа искромета. И вообще готовились вот-вот отпрыгнуть с линии выстрела.

— А вот и нет! — просипел я и усилием воли активировал свою первую ловушку.

Никаких визуальных эффектов вроде искр или свечения не последовало. Ничего из того, что любят приписывать гностам или теургам. Просто взволновалась Изнанка, и в пределах невидимого круга ударил ментальный молот, на пару секунд отключил разумы бойцов. Глаза нападающих обесмыслились, руки с оружием опустились.

А в следующий миг от стрелка пришла безмолвная команда. Но вместо того чтобы разбежаться, враги остались на местах. Я же, напротив, рухнул как подкошенный и откатился к входу в храм.

«Умпс-с-с-с» — раскатилось по пещере, ослепительный всполох разорвал сумрак. И теперь я увидел пронзительно-белую черту, что возникла где-то среди горы мусора, прошила темноту и лизнула фигурки людей.

Одного из врагов, того самого, лысого, с кем дрался, пережгло пополам. Я видел, как он развалился на две части и упал на пол двумя кучами обугленных костей. Еще одному оторвало руку и голову. Остальных зацепило краем: у кого загорелись волосы, кого-то обожгло, а кто-то забился в конвульсиях от удара током. Луч вонзился в стену и взорвался с оглушительным хлопком. Вокруг разлетелись мелкие камешки, посыпалась пыль, расплылись клубы пара и смрадного дыма.

Чужое изумление и ужас. Настолько осязаемые, что я, казалось, сумел бы их потрогать. А затем в ушах шелкнуло, и протяжный звон сменился криками, воем, шорохом. Звуки накрыли как покрывалом, ударили пощечиной.

Вздрогнув, я очнулся и вскочил на ноги.

Пять, шесть...

Невдалеке ползал на четвереньках один из нападавших, бессмысленно шарил руками по полу. Волосы обгорели, куртка тлела, из рваных ран били дымки и сочилась кровь. Я ударил его носком ботинка в висок, отправляя в беспамятство. Подобрал револьвер и выпустил весь барабан в направлении места, где скрывался стрелок с искрометом. Увидел невдалеке еще один пистолет, хотел забрать, но тут из дыма выскочил уцелевший враг — мускулистый парень с покатым лбом и жидкой бородой, в длинном плаще.

Безумные черные глаза и оскаленный рот — вот все, что я успел заметить. А затем перед глазами сверкнула сталь, щеку ожгло. Второй удар я успел парировать. Но понимая, что третий не пережить, отпрыгнул ко входу в храм. Отпрыгнул, хоть и сознавал, что чем ближе к этому месту, тем вернее меня убьют — попросту пристрелят в пустом помещении, где и спрятаться-то негде. А там, за пеленой дыма и пара, подошли люди, видимо, подмога.

Кажется, твоя песенка спета, Ормонд Лир Мак-Моран. Или нет?..

Девятнадцать. Двадцать...

Скрипнув зубами, я рванулся прочь от юркого врага, проскочил внутрь храма. И когда парень в плаще кинулся следом, развернулся и активировал вторую печать. Вновь не последовало никаких визуальных эффектов, но на пороге неприятель споткнулся, закатил глаза и кулем рухнул на пол. Ртом пошла пена, руки и ноги задержались, из ноздрей потекла кровь.

Пожалуй, гораздо эффективнее создать управляемый узор, подобно кукловоду. Или внушить мысль, что он должен напасть на приятелей. Но такие вещи требуют серьезной подготовки, времени, сложнейших схем. Я же попросту разрушил один из важных сосудов в его мозгу посредством печати... Каскадный эффект. Тоже непросто, так как нужно знать точно, на что воздействуешь. Промахнешься, и ничего не произойдет.

Но я не промахнулся. Другое дело, что парень кое-чего добился. Напарники успели очнуться, и теперь к ноте ужаса прибавилась и ярость.

Плохо. Сколько осталось на ногах? Пятеро. В лучшем случае четверо, если сумел задеть стрелка с искрометом, на что надежд мало. И вторая волна на подходе. Я, в свою очередь, практически обессилен, загнан в угол. Но если останусь тут, точно схохну, так как вынужден буду прикрывать друга. Оба схохнем. Нужно выбираться наружу и пытаться маневрировать. А дальше...

Пальцы сами собой скользнули к потайному карману и нащупали ампулу. Но усилием воли я убрал руку — рано. Бросив быстрый взгляд через плечо, убедился — Фергюс по-прежнему лежит на полу, грудь медленно вздымается и опадает. Утер пот со лба и решительно переступил через поверженного врага, выскользнул в проем ворот.

Тридцать пять... тридцать шесть...

Дым и пар успели немного рассеяться, хоть и застлали пространство. Я мельком посмотрел на воронку в стене храма, обломки, изуродованные тела, мокрый от крови пол. Заметил пару нападающих, пытающихся встать, двое скрывались где-то за завесой дыма.

Попробовать?..

Но едва я кинулся к замеченному ранее пистолету, раздался хлопок, и пуля ударила у ног. Я зашипел от злости, от-

шатнулся и пригнулся, вновь попробовал подобраться к оружию. И снова громыхнул выстрел, огненный росчерк разорвал сумрак.

Били вслепую, ориентируясь на звук или на смутный силуэт, но все равно неприятно близко.

— Да чтоб вас! — пробормотал я. Сделал вид, что собираюсь отступить обратно ко входу в храм. А затем выдохнул и прыгнул, сгруппировался в длинном кувырке. Приложился локтями и обожженным предплечьем о камни, всхлипнул от боли в ребрах. Но сумел подхватить оружие на ощупь, перекатился и встал на колено, торопливо перехватил рукоять.

Плотный клуб дыма, как занавеска, медленно ушел куда-то вверх, потянулся к пролому в потолке зыбким толстым угрем. И я увидел сначала силуэты врагов, а затем и лица — грязные, перекошенные злобой, обожженные. Оба целились в меня из пистолетов, оба держали пальцы на курках.

Я рванул спусковой крючок, но услышал сухое шелканье и внутренне похолодел. С немым изумлением посмотрел на оружие — оказывается, подобрал тот, что выбросил ранее, разряженный.

Вот ведь пакость, а...

На губах врагов заиграли ухмылки, оба начали расходиться. Плавно, неторопливо. С пониманием того, что никуда я не денусь. И далеко за их спинами возникло новое движение. На груде мусора, у стен, на переходах и лестницах.

Сколько там осталось до конца перезарядки искромета?..

Пятьдесят девять... шестьдесят.

Внутренне сжавшись, я приготовился к короткой вспышке боли, к небытию, пустоте. Но выстрела не последовало. Откуда-то издалека прилетело эхо чужого испуга и боли. А затем пещера взорвалась звуком. Нет, не так — Звуком! Одиной нотой, низкой и глубокой, как пение иерихонских труб, как кровожадный и беспощадный гул летящего копыя Луга. Вибрирующей, пробирающей до костей, резонирующей в черепе и отдающей болью в мышцах. И вместе с этим зловещим пением всколыхнулась Изнанка, задрожала и взвихрилась.

Пистолет в руках ближайшего врага развалился на куски с хрустом, как ветхий камень или пересохший хлебец из водорослей. А сам неприятель упал на колени и закричал, схватился руками за уши. Расширенные от ужаса глаза покрасне-

ли от полопавшихся капилляров, по шее и пальцам побежала кровь — барабанные перепонки приказали долго жить.

Те из нападающих, что ползали по полу, раненные и оглушенные, лишились чувств, безвольно рухнули на камни. Последний же из наемников пошатнулся и выпучил глаза от испуга и удивления. Но быстро сообразил, что происходит нечто неправильное и страшное, развернулся и кинулся прочь. Впрочем, пробежал недалеко. Ибо не успел отгреметь первый звук, как в темноте родилась вторая нота — высокая и резкая, как рвущийся канат, как скребущий по стеклу металл. Нагнала врага и хлестнула невидимой плетью. Парень споткнулся, покатился кубарем и врезался в кучу сора. Зашевелился, медленно встал на колени как пьяный и, харкнув кровью, завыл. В неверном свете пещеры стало видно, как он размазывает по лицу красное, как сплевывает вываливающиеся из десен зубы.

Беглец застонал громче, сделал попытку подняться на ноги. Но через секунду его порыв остудили. Из тени вышел мужчина в легком боевом скафе, мельком глянул на несчастного и коротким ударом толстой металлической дубинки отправил в нокаут. Схватил за шиворот и потащил к входу в храм.

Еще пятеро в таком же облачении спустились по лестнице у стены, трое пришли со стороны помойки. Последние волокли мелкого худосочного парня в длинном плаще и длинное тяжелое орудие на сошках, с массивной банкой магазина и изначной батареей, рогов конденсаторов, охлаждающим кожухом в переплетении проводов и едва тлеющих ламп.

Вспыхнули фонари, яркий желтый свет ослепил и заставил прищуриться, заслониться ладонью.

— Руки! — приказал ближайший боец, направив на меня толстое дуло громадного револьвера. — Брось пистолет и кортик!

В голове шумело, сердце трепыхалось, как рыбка в сетях. Меня мутило — от запаха крови и паленой плоти, от смертей других людей, которые, уходя за грань, окатывали меня волнами леденящего страха и беспомощности. И потому сообщал я туго, не понимая, кто эти новые люди — враги или друзья.

— Ну же! — рявкнул неизвестный, шелкнул предохранителем.

— Лукас, поумерь пыл, — раздался мелодичный женский голос. — Это друг. А ты, Орм, будь добр, не нервируй людей, брось гадость.

Она вышла из тени у лестницы. Не светлый фантом, как тогда на приеме у Мак-Молоуни, а скорее призрак, дева битвы. Стройная, в подчеркивающем идеальную фигуру боевом скафе, строгая, но порывистая. Прекрасное бледное лицо подсвечено алыми бликами, что делало тонкие черты несколько inferнальными. Отсветы скользили и по голубоватым бронированным пластинам, ребрам жесткости и патрубкам системы жизнеобеспечения, по стальному обручу, что удерживал длинные черные волосы. Шлема я не увидел, а по чрезмерно широкому стальному воротнику заключил, что костюм из новейших, с механизмом автоматического складывания защиты головы.

В руках Талли Мак-Суини держала небольшую арфу, блестящую сталью, на ремне болтался пистолет и короткий нож. В глазах же плескалась Изнанка, а на губах играла блеклая улыбка.

Остановилась рядом со мной и посмотрела сверху вниз. А я медленно положил кортик и револьвер на пол, вытер рукавом пот и кровь со щеки, устало усмехнулся.

— Да, моя госпожа.

— Не язви.

— Как ты могла усомниться? — делано возмутился я. — Я искренен, как на приеме у инквизиции.

— Наслышана, — еще больше помрачнела Талли. — Господи, и горазд же ты влипнуть в отвратительное дерьмо!

— Сам удивляюсь, что жив, — теперь действительно искренне пожал плечами я. Скосил глаз и проследил, как бойцы Мак-Суини слаженно оцепляют площадку перед храмом, как стаскивают раненых бандитов в одно место, сковывают, развешивают прожектора.

Выучка, правила... не похожи на наемников. Гварды, очевидно. Но судя по оснащению, далеко не простые, какое-то спецподразделение. И именно их почуял как вторую волну, но решил, что подкрепление неприятелей. Хорошо, что ошибся. Но кто они? На кого работает Талли? Не попал ли я в худшую переделку?..

— Ну так и не провоцируй, — буркнула девушка. — Не испытывай судьбу.

— Да, моя... ладно-ладно, не буду, — хмыкнул я, заметив, как у нее наморщился лоб, поджались губы. Выждал мгновение и спросил: — Можно подняться? Или нравится, когда мужчины стоят перед тобой на коленях?

— А? — вопросительно промычала она. Затем осмыслила, задохнулась от возмущения и очаровательно покраснела. — Ты точно напросишься. Ладно, вставай.

— Спасибо, — кивнул я. С трудом воздел себя на ноги и оперся о стену. — У меня есть вопросы.

— У меня тоже, — перебила Талли. — И первый: где Фергус?

Поколебавшись, я признал: хуже не будет, если подпущу к другу. Эскалировать ситуацию успею. А то, что со мной говорят, не стремясь перерезать глотку, признак хороший. Конечно, в случае чего драка с бардом, а особенно с Мак-Суини будет, вероятно, фатальна. Но и у меня есть аргументы.

— Там, — указал я в храм. — Осторожнее, в плохом состоянии.

— Лукас! Финбар! — приказала Талли.

Бойцы отреагировали моментально, с пистолетами в руках аккуратно вошли в притвор, а затем молельный зал. И вскоре оттуда послышалось:

— Чисто, леди.

Мак-Суини рванула вперед так, будто у нее за плечами нависли Вестники. У входа запнулась и пристально осмотрела проем, взглянула на подрагивающего в конвульсиях бородастого наемника, затем кинулась в зал и склонилась над едва дышащим Мак-Гратом. Провела рукой над его лицом и грудью, а затем выдохнула с явным облегчением.

— Будет жить. Финбар, организуй носилки! Лукас, рюкзак!

Бойцов как водой смыло. Один сразу вернулся с вещевым мешком, почтительно подал девушке. Та схватила, рванула завязки и принялась копать. Достала кислородный баллон и заменила тот, что я оставил из собственного спаскомплекта. Далее извлекла прибор, напоминающий лупу с зеленоватым стеклом, осмотрела Мак-Грата. Достала такую же, но с красной линзой, вновь всмотрелась. Сняла с пояса арфу и, замерев на миг, тронула струны. Несколько нот, простенькая тихая мелодия, напитанная силой Изнанки.

По крайней мере внешне ничего не изменилось. Однако дышать Фергюс вроде бы стал чаще и легче. Румянец на щеках не появился, но тень под здоровым глазом слегка поблекла.

— Поправила твою печать, — пояснила Талли, подняв на меня взгляд. — Не все охватил, слабенько.

«А заодно последней нотой разметала по камушкам мою последнюю ловушку», — ухмыльнулся своим мыслям я, но протестовать не стал — не в том положении, чтобы выкатывать претензии. Лишь проследил, как тают призрачные линии на полу, едва заметно вздохнул, пожал плечами и произнес:

— Что смог. Резерв небольшой.

— Вижу, — ответила она. Встала и прошла по залу, подобрала выброшенный мною перстень, повертела в руках. — Использовать боевой артефакт как батарею — решение остроумное. Ты ведь знаешь, что за такие игрушки Церковь тебя по голове не погладит?

— Если поймает. И если ты не сдашь, — хмыкнул я. — Пришлось импровизировать.

Грубый намек пропустила мимо ушей. Правильно, пусть повольнуюсь, попереживаю. Лучшие рычаги влияния — чувство вины и страх разоблачения, а в шантаже женщинам равных нет. Мак-Суини пристально посмотрела на меня, и я ощутил движение Изнанки. Но, убедившись, что оковы на месте, озадаченно закусила губу.

— Тогда ты лучший мастер импровизации, Орм, какого вообще видела.

— В смысле?

— В прямом! — отрезала Талли. Упрямо мотнула головой, но соблаговолила пояснить: — У меня есть глаза, Ормонд. Я видела то, что ты сделал в гроте Молоуни с куклой. Вижу твою работу здесь. Ловушки, затвор ран, использование артефактов не по назначению. Твои печати элементарны и грубы, но такие потребляют минимум энергии. И все видят лишь это, заикнулись на уровне силы. Правда...

— Что? — с любопытством спросил я.

— Чтобы виртуозно управлять Изнанкой, нужны годы практики, учителя, книги. Но ты ведь ушел из семинарии, не присоединился к Лиге. И никто не снимал твоих оков.

— У меня были годы, — легко ответил я. — И книги. Сама знаешь, деньги решают. Я практиковался с тем запасом и

уровнем, что оставили. И ты не поверишь, но порой ограничения мотивируют, подвигают искать новые методики.

— Не поверю!

Резко отмахнулась, будто резала воздух ладонью, отбивая удар чужого клинка. И более подозрительно уставилась на меня.

«И правильно сделаешь, нет никаких методик. Есть обеденный селенит, но о его существовании посторонним знать не нужно».

— Талли, — вздохнул я, — если ты меня в чем-то обвиняешь...

— Нет, — вновь перебила она, сжигая меня взглядом. — Но любопытно. Ты загадка, Орм. А я всегда полагала, что быть загадками позволительно лишь женщинам.

— Сколько восхитительного эгоизма, — улыбнулся я. — Жаль, что нет никакой тайны. На деле именно так, как сказал. Или ты хочешь устроить допрос практически на смертном одре Фергюса?..

В прекрасных глазах сменилось несколько выражений: от сомнения и злости до любопытства, смирения и раздражения. Мак-Суини вновь бросила взгляд на едва дышащего сына гранда, поморщилась.

— Да не подойдет, не беспокойся. Ты вовремя сработал. Мордашка потеряет в смазливости, видеть станет хуже. Но поумнеет ли?

— Сомневаюсь.

— Я тоже.

Мы переглянулись, настороженность в ее взгляде слегка подтаяла под напором искр ироничной насмешки. А я опять невольно залюбовался — точеной фигуркой, аристократическим профилем. Диссонанс между образом суровой воительницы и извечным флером невыразимого очарования также приковывал внимание.

— Это приводит нас к вопросу о том, что ты собираешься с ним делать, — усилием воли заставив себя вернуться к серьезному тону, сказал я. — И вообще...

— Пытаешься понять, на кого работаю? — озвучила невысказанный вопрос Талли. — И как так получилось, что легкомысленная певичка управляет отрядом головорезов?

— Судьба Фергюса мне безразлична, — нейтрально отозвался я.

И вновь мы переглянулись. Теперь девушка смотрела с любопытством и насмешкой, а я скорчил непроницаемую мину. Пальцы от потайного кармана убрал как можно дальше, руки держал свободно и на виду, но действия продумал: как пойду, что сотворю.

Излишней доверчивостью и раньше не отличался. А уж когда вернулся в Тару и вляпался по горло в чужие интриги и неприятные истории, так и подавно. И как бы ни симпатизировал Талли, но приготовился защищать Мак-Грата до последнего.

— Вижу, — медленно сказала девушка, красноречиво огляделась. — И в дуэли поучаствовал, и прикрыл раненого от атаки отребья, раны обработал как умел. Кругом герой.

Раздались шаги, и в молельный зал вернулся боец по имени Финбар с парочкой гвардов и импровизированными носилками — где-то отыскали два ржавых стальных профиля, увязали тряпками и веревками, обрывками проводов. Подчиненные Талли сложили свою конструкцию рядом с сыном гранда. Принялись споро менять повязки поэта на чистые, заливать раны антисептиком, сделали пару инъекций. Затем аккуратно подхватили раненого за плечи и ноги, приготовились приподнять.

— Не так быстро, — самым милым тоном произнес я.

По-прежнему я стоял расслабленно, спокойно, но бойцы замерли и напряглись. Один медленно оглянулся и оценивающе посмотрел, рука второго украдкой поползла к рукояти револьвера на поясе. Глаза Мак-Суини сузились, девушка попыталась продавить меня взглядом, предугадать, как поступлю. Но когда не получилось, вздохнула и покачала головой:

— Успокойся, Ормонд.

— Я спокоен, Талли.

— А то я не вижу, как расчлняешь нас глазами. Прекрати. Угрозы нет.

— Просто хочу, чтобы ты внесла ясность, прежде чем сии достойные господа заберут моего друга. Я ведь не знаю, куда потащите и что сделаете. Может, в каземат кинете, а потом будете требовать выкуп. Или придушите тихонько.

— Знаешь, с учетом того, сколько раз мои люди вытаскивали идиота из переделок, прикрывали от пьяного сброда и воря, сколько покушений предотвратили, я бы лично при-

душила, — раздраженно выпалила Мак-Суини, сверкнув глазами. — Повторяю, Орм, успокойся. Мы работаем на гранда.

— Ого! — удивился я. — Тайная служба?

— Можно сказать и так, — нехотя сказала девушка.

Что называется, попал не в бровь, а в глаз. На приеме у Мак-Молоуни я скорее в шутку пугал Брана предположениями о том, что певица на деле шпионка под прикрытием. И в принципе такое случалось. Нередко аристократы, не претендующие на наследство, или отдельные гнозис-мастера, лишённые денег, но обладающие толикой честолюбия, шли в тайные службы самого разного сорта и направления. Кто-то работал на Церковь, кто-то на дружественные Старшие дома, корпорации, Лигу, «партнеров» из соседних государств.

Политическое устройство Олдуотера будто располагало для шпионажа. И таковым многие занимались с разной степенью вовлеченности. Продажа информации для одних стала неплохим подспорьем, а для других основным доходом.

Хотя насчет Талли я правда шутил. Допускал вероятность того, что имеет контракт на сбор сведений с кем-то серьезным. Но что является боевым оперативником и агентом высокого ранга, и предположить не мог. И действительно поразился. Неисповедимы пути Господни.

— И как Мак-Суини занесло в услужение к Мак-Грату? Вы же вассалы и сателлиты дома Мак-Флинн. Но признаю, маскировка неплоха. Никто не догадается, что эти тонкие пальчики сегодня ласкают струны, а завтра режут глотки врагов престола.

— Ты преувеличиваешь, — фыркнула девушка. — Я, скорее, внештатный специалист для деликатных заданий. К тому же свободный человек и не принадлежу к правящей линии, могу выбирать, чем хочу заниматься и на кого работать. Да и иные причины имелись.

Развивать тему «особых поручений» я не стал. И устрице ясно, что занимается шпионажем, политикой, слезкой. Прикрытие идеальное — певица, музыкант. Заодно и за бедовым дружкой присматривает, ведь фактически вертятся в одних кругах. Почему работает именно на гранда, вопрос интересный. Может, поймали на долге. Или предложили то, от чего отказаться не смогла. Вероятно и то, что действует как двойной агент. Но какая разница лично для меня или Фергюса?

Никакой. Лишь забавно то, что невольно угадал род занятий тогда, на приеме. В каждой шутке есть доля шутки, да.

Помедлив, я нехотя обронил:

— Тем не менее пытаешься выбить признание в том, чего нет.

— Работа такая.

Пожала плечами и сложила руки на груди с независимым видом: дескать, не твое фоморье дело.

— Железный аргумент, — пробормотал я. — И не поспоришь.

— Вот и не спорь! — с вызовом сказала девушка. — Так твои подозрения развеяны? Нам можно наконец спасти Фергюса? Или ты будешь щерить клыки и дальше?

Требовать жетон или какой-либо документ глупо. Но с большой долей вероятности Талли говорила правду. Я не мог прочесть мысли, но улавливал эмоции. Она злилась, испытывала нетерпение и беспокойство по отношению к сыну гранда.

Тревогу за жизнь поэта и я испытывал нешуточную, но сейчас слишком устал, чтобы хоть как-то проявлять эмоции. Стоило признать, что мог — сделал. Если буду тянуть, ему не смогут помочь даже медики-гнозис. И на самом деле спрашивают из вежливости, желая избежать лишних проблем. Что ж, а для меня сие повод сохранить лицо.

— Валийте, — повелительно, как настоящий лорд, махнул рукой я. — Не уроните по дороге.

Бойцы посмотрели с неприязнью — без тебя разберемся. Молча переложили поэта на носилки, аккуратно подняли и пошли к выходу.

— Лукас, проследи, — приказала Мак-Суини. — Сразу направляйтесь в крыло госпиталя, позовите доктора О'Кифф. Доложите Бойлу Кейси, скажите, что подробный отчет для гранд-лорда подготовлю по возвращении.

— Слушаюсь, леди, — отозвался боец. Бросил на меня настороженный взгляд, обожающий — на Талли. Но отступил, слишком вышколенный, чтобы выказывать собственное отношение или мнение. Развернулся и ушел вслед за невольными санитарями.

Через мгновение в молельном зале появилась еще двойка гвардов. Как тени расползлись по углам помещения, постарались слиться с мраком и стать как можно незаметнее. Я мель-

ком посмотрел на них и на Финбара, оставшегося с командиром, оценил расстановку. Вновь повернулся к Талли и произнес:

— Теперь скажи, какого демона тут вообще творится?

— То есть ты не в курсе?

— О чем? Что у Фергюса взаимная ненависть с Олсандером? Кровная месть и прочая глупость? — повторил я маневр с вопросом на вопрос. Вновь потер саднящий порез на щеке и поморщился. — Трагическая история. Когда получил записку о том, что дуэль перенесли, думал, будет блажь и показуха. Поцарапают друг друга, потешат самолюбие и разойдутся. Но нет. Кроме того, ума не приложу, какого хрена понадобилось вот этим молодчикам. Ведь шли не похитить, не покалечить, а убить. И интересно, что ты скажешь. Наверняка ведь знаешь, кто нас чуть не отправил к праотцам.

Лицом Талли управляла ничуть не хуже какого-нибудь прожженного политика. Сказывалась старая кровь. Но я заметил, как дрогнули губы и изменилось выражение глаз. Через секунду вспомнила, что я эмпат и играть мимикой бесполезно, скрывая неуверенность.

— Я тебе говорила, что у тебя талант влипнуть в дерьмо? — проворчала она, раздраженно смахнув локон с глаз. — Ты влез в центр паучьего гнезда, Орм.

— В смысле?

— В прямом. Ведь догадался, что напавшие на вас люди явно не рабочие из доков?

— Ага, — кивнул я. — На бледных не похожи. Наемники. Но я не понял, на кого работают. На Церковь вряд ли, действуют святоши иначе. На повстанцев-пролетариев? Сомневаюсь, что у последних хватит ресурсов, чтоб нанять профессионалов. И такое орудие в портовых лавках за монету не купишь. Тот же Олсандер вряд ли пойдет на подобный риск, ведь он больше солдат, чем политик. И слишком зол, чтобы убивать чужими руками, и о своем доме печется... Реваншисты?..

— Логика у тебя есть, не отнимешь, — медленно сказала Мак-Суини, посмотрев по-новому, пристально и настороженно. — Почти угадал.

— То есть последние? — быстро переспросил я. — Решили подточить власть гранда убийством сына? Или подтолкнуть к чему-то?..